

Шварц С. С. С фотографии 1970 года

Е. С. Баразова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТЦЕ

Прошло уже более двадцати лет с момента расставания с отцом. Сегодня я, его дочь, уже немногим моложе его. Естественно, что на каждом жизненном этапе по-новому вспоминаешь того, кто не только дал тебе жизнь, но и вооружил умением ее строить, находить в ней свое место, не теряя себя и не входя в противоречия с ее требованиями. Пишу и ловлю себя на мысли о том, что у читателя может создаться образ некоего мудрого и всезнающего наставника. Спешу подчеркнуть: в моем общении с отцом никогда не было воспитания в назидательном смысле слова. Он всегда вызывал мое восхищение и тем

самым рождал стремление быть во всем похожей на него. Сегодня могу с гордостью констатировать: будучи зрелым человеком, общаясь по роду деятельности и научному статусу с большим числом интереснейших людей, я не встречала человека более масштабного, нежели Станислав Семенович Шварц. В этом нет моей заслуги, но есть лишь огромное, подаренное судьбой счастье.

Постараюсь в неких немногих формулах представить воспитательное кредо моей семьи. Именно семьи, так как мой отец воспринял жизненные принципы по-своему и считал своим долгом передать их своим детям. В этом он нашел верную союзницу и помощницу, мою мать — Фаину Михайловну Шварц.

Первым из этих принципов была любовь. Каждый в семье должен ощущать атмосферу любви, защищающей от всех невзгод. Какие невзгоды обычно поджидают в детском возрасте? Неприятности в школе, эхо родительских собраний.

Помню, как мама, вернувшись после одного из них, вдохновившись пафосом учительского недовольства моими разговорами на уроках, начала воспитательную беседу. Отец не принял в ней участия. Это меня удивило, а затем я услышала разговор из отцовского кабинета. Мы знаем свою дочь лучше всех и не должны руководствоваться внешними впечатлениями. Я, естественно, передаю мораль этого разговора. Но ее я запомнила на всю жизнь. И эта память очень помогает мне в общении со своими уже почти совсем взрослыми детьми. Я должна знать их силу и слабости лучше всех, мне не должны от-

крывать на них глаза другие. Только я могу формировать в них веру в самих себя. Утверждая свое положение в обществе, в ближайшем окружении, такая вера помогает и дает силы сопротивления. В противном случае, тебе может грозить разрушение приспособлением, конформизмом. Кроме того, человек, которого любят родители, сам щедр на добро и помощь.

Вторым принципом воспитания по Шварцу я считаю принцип «опоры на собственные силы». Любовь не должна вести к попыткам ограждения от естественных трудностей. Учеба — есть работа. Она, порой, сложна и тяжела. Но трудности необходимо преодолевать самому. Не столько важно, что именно ты преодолеваешь, сколько сам факт преодоления. В той же мере у нас в семье не поощрялось освобождение «ребенка» от трудовых повинностей школьных и студенческих лет. Ни одного медицинского освобождения, ни одного обследования в период «картошки» и т. д. Я, честно говоря, не могу точно объяснить мотивов столь нетрадиционного для родителей поведения, но вижу, что они помогли мне и в дальнейшем спокойно воспринимать необходимость самой разной работы. Усилия избежать ее отнимают больше сил, нежели ее выполнение.

Тот же принцип, но с определенной коррекцией, действовал у отца в отношении научной работы. Уже в бытность аспиранткой помню случайную реплику: старшему научному сотруднику можно подсказать идею, в ее реализации он обязан быть самостоятельным; младшему научному сотруднику необходимо подсказать или оценить идею, наметить программу ее реализации, далее он самостоятельно ее выполняет; аспиранту необходимо помочь с определением базовой идеи, с разработкой программы ее развития, методов осуществления программы и оценкой надежности результатов. На каждом этапе развития, человеческого и профессионального, должно быть четко очерченное пространство самостоятельности и ответственности. Безответственность не прощалась. Оправдания не принимались в расчет. Помню такой случай. Защищалась папина аспирантка. Он же не пошел на защиту. Этот факт был удивителен, и поэтому запомнилось объяснение. Защита состоялась с неоправданным запозданием. Наука же требует самоотдачи. Иное отношение для него было непростительным. Он не принимал его для себя и для своих учеников.

В этом эпизоде проявилось еще одно очень важное для понимания характера отца качество. Он был очень мягким и одновременно очень жестким человеком, открытым, веселым, демократичным, но непоколебимым в своих принципах, весьма скептически относился к школьным оценкам, но вместе с тем не прощал троек там, где, по его мнению, должны быть только пятерки. Помню, он не разговаривал со мной целый месяц из-за тройки по английскому языку. В ней он увидел недобросовестность, и ее он простить не мог. Дело было не в оценке, а в отношении к делу. Это я легко расшифровываю сейчас, тогда же не могла понять этого перехода от всепоглощающей отцовской любви к абсолютной глухоте к оправданиям.

Наряду с этим запомнилась та искренняя радость отца, с которой он встречал проявление способностей, успех в решении трудной задачи. Он демонстрировал эту радость и тем самым поощрял на дальнейшее. Я до сих пор руководствуюсь его подходом и стараюсь оценивать себя по его шкале. В ней одним из важнейших критериев была скорость выполнения задачи. Я поняла это в школьном детстве. Его более всего радовал тот факт, что на выполнение домашних заданий ушло не более получаса. Это так отличалось от требова-

ний родителей одноклассников, что запомнилось на всю жизнь. И сейчас я очень благодарна отцу. В условиях постоянной занятости привычка к динамизму в работе спасает и во многом решает успех дел.

Следующим выделю «принцип развивающей среды». Естественно, это формулировка социолога, рефлексирующего по поводу секретов домашнего воспитания. Мои родители создали открытый дом для интересных людей. Существовало определенное разделение труда при полном взаимопонимании матери и отца. Отец приводил всех интересных людей в дом. Это, конечно, были прежде всего коллеги, ученые. Но были и писатели, и журналисты, и философы по профессии и призванию. Мать накрывала на стол и создавала атмосферу естественности и открытости. Для чего они это делали? Ведь можно было ограничиться служебным общением. Думаю, именно этим достигалось расширение психологического кругозора, развивалась способность к спонтанности коммуникации, и, кроме того, дома всегда было интересно, из дома не хотелось никогда уходить. Наконец, хотелось создать такой же дом, быть похожей на этих интересных людей.

Ну, а когда гостей не было, были бесконечные разговоры за обеденным столом. Повелось, что все рассказывают о своих делах. В ритуал ужина входил рассказ о прошедшем дне. Сейчас я отдаю себе отчет в том, что рассказы отца содержали в себе полезнейшую информацию о том, как строить организацию общего исследования, как помочь каждому в полной мере раскрыть свой потенциал, как слабости превращать в достоинства. Сегодня я бы назвала это домашним курсом управленческого консалтинга. В этом курсе не было никакой скидки на возраст. Слушай, старайся понимать, может быть, в будущем пригодится. При этом разговоры могли длиться часами, и ни разу я не слышала от отца слов: «Я занят». Он мог писать статью и одновременно обсуждать со мной последний матч с чехами, встреч «наших» с которыми он старался не пропускать. Он никогда не окружал себя ореолом этакого заоблачного ученого. Он мыслил и писал очень легко, и поэтому у него не было необходимости ограничивать рамки семейного общения.

Он прожил относительно короткую жизнь, многое успел, и при этом не создавалось впечатление о том, что ему жалко терять время на пустяки. Мы всей семьей смотрели все интересные передачи по ТВ, иногда совершали общие вылазки в кино и на концерты. В театры он ходил редко, очень боялся попасть на ерунду. Последней каплей был выход на гастроли Театра им. Е. Вахтангова. Давали спектакль «Стряпуха» по А. Софронову. До сих пор вспоминаю его искреннюю жалость профессионала к великим М. Ульянову и Ю. Яковлеву по поводу их идиотских ролей. После этого в драму он больше не ходил. Зато посещал все заметные выставки. Помню, как мы всей семьей поехали специально в Москву, когда в музее им. А. С. Пушкина демонстрировались собрания Лувра. Целый день стояли в очереди и попали. Мы не просто смотрели, но потом обсуждали те произведения, у которых стояли более всего. Это была родовая любовь.

Я помню, когда меня шестилетней бабушка привезла специально из Ленинграда в Москву с тем, чтобы в последний раз посмотреть шедевры Дрезденской галереи. Я, честно говоря, не помню дрезденских картин, но сам факт оставил в памяти неизгладимое впечатление.

Среда создавала благоприятные условия для развития и обеспечивала подготовленность к принятию собственных решений. К ним никто не подталкивал, их не пытались оспорить, им доверяли. Прежде всего это касалось ситу-

ации профессионального выбора. Думаю, что какое-то время моему отцу хотелось видеть меня биологом. Маме этого безусловно хотелось. Но я очень рано поняла, что это не мой интерес, не моя сфера. После школы я еще не могла выбрать единственную среди гуманитарных наук, и поэтому на семейном совете было решено идти на иняз. Помню слова отца: иностранный язык не специальность, но ум дисциплинирует и поможет в любом направлении. Так и случилось, ведь именно знание языка, овладение им в строгости истории языка и его грамматики позволили мне всерьез заниматься американской социологией, не переводить, но интерпретировать оригинальные тексты. А опыт бесед за столом пригодился в другом социологическом увлечении — менеджменте.

И наконец, замыкающий некую педагогическую систему принцип. Я называю его принципом победительности. Отец сформулировал его для меня тогда, когда я поступила в аспирантуру и выбрала тему диссертации. «Тема может быть любой, но тебе важно понять, что ты в ней должна разобраться лучше всех. Работы ученых различаются по их масштабу. Но любая должна быть превосходной. Иначе лучше не начинать». Впоследствии он иногда читал мои статьи и считал, что со временем мы напишем общую. Не получилось...

Но спустя годы я почувствовала интерес к его науке. Это пришло через социальную экологию, проект которой был предложен американскими социологами в 1936 году. Сейчас читаю отцовские книги, понимаю философский потенциал экологии, мечтаю изложить свое представление о социальной экологии. Но при этом останавливаю себя, проверяя, действительно ли я превосходно представляю себе предмет. Но если приду к утвердительному ответу, то постараюсь доказать. В этом и состоит принцип победительности. Это не честолюбие гонца за статусом, но профессиональное честолюбие. В своем деле необходимо стремиться быть первым. Такое стремление умножает силы и ответственность за результат.

Описав принципы, задаюсь вопросом: были ли слабости у моего отца? Наверное, были, но я их не замечала. Он остается для меня идеалом, но веселым и очень любящим все разнообразие жизни. В нем не было ничего искусственного, и поэтому очень хочется о нем рассказывать и хоть немного быть на него похожей...